

СЕРДЦЕ НА БРАЙЛЕ

ПАСКАЛЬ
РЮТЕР

Паскаль Рютер

Сердце на Брайле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65834445

Сердце на Брайле / Паскаль Рютер : КомпасГид; Москва; 2021

ISBN 978-5-907178-86-1

Аннотация

Что может быть хуже школы? Для Викторá – ничего! Не успевает он вернуться домой, как всё услышанное на уроках вылетает из головы. Зато песни The Rolling Stones и сочиненные со своей группой аккорды он помнит всегда! А уж тому, какие подробности он знает о машинах, удивляются даже отец Виктора и друг Хайсам.

Новенькая Мари – его полная противоположность. Учится, не прилагая усилий. Блестяще играет на виолончели. Готовится к консерватории. Тихая. Гениальная. Идеальная!

Однажды Виктора пересаживают за одну парту с Мари – и жизнь обоих становится другой. То, что поначалу казалось вынужденной необходимостью, перерастает в дружбу, а может быть, и в любовь. Вот только сохранить это хрупкое чувство непросто: Виктор должен помочь Мари сблечь ее тайну, которая может их разлучить если не навсегда, то совершенно точно надолго.

«Сердце на Брайле» – самая известная книга французского писателя Паскаля Рютера (родился в 1966 году). Поразительная история Мари, Виктора и его друзей так вдохновила режиссера и сценариста Мишеля Бужена, что он перенес ее на экран – и герои, столь живые в книге, ожили на экране, воодушевляя зрителей и читателей на такие простые – и такие нужные в жизни – по-настоящему смелые поступки.

Содержание

1	6
2	21
3	40
4	60
5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Паскаль Рютер

Сердце на Брайле

Посвящается Дельфине

1

Не успел прозвенеть будильник, как послышались папины шаги на лестнице. Он широко распахнул дверь в мою комнату.

– Подъем, сегодня важный день!

Затем растормошил меня в кровати.

– Поспеши, а то опоздаешь!

И спустился обратно – из него прямо ключом била энергия. За каникулы я отвык подниматься рано и никак не мог очухаться ото сна, перед глазами всё плыло, как в тумане. Снизу доносился грохот – папа готовил завтрак. Однако это ничуть не мешало моей дреме: я готов уже был вот-вот отключиться, как отец неожиданно завопил:

– Сам поднимешься или подъемный кран тебе вызвать?

Я вздрогнул и рискнул высунуть ногу из-под одеяла – нерешительно, словно собираясь нырнуть в холодную воду. Потом нащупал рядом какие-то штаны и футболку. «Не до нарядов», – пронеслось в голове. Когда я спускался по лестнице, казалось, что вешу тонну.

Папа приготовил горячий шоколад. Меня окутал приятный, уютный аромат, и туман в голове немного рассеялся.

– Ты готов? – поинтересовался папа, пока я пил.

Он поднял бровь. Его правая рука, казалось, издалека массировала мне мозг. Я попытался сделать вид, что контро-

лирую ситуацию.

– Наверное, да, но... Никогда не знаешь наверняка, так?

Папа с грохотом убрал посуду и, прежде чем отправиться снова лечь спать, сказал:

– Не забудь стереть шоколадные усы. Важно следить за собой!

Я пожал плечами и отправился в гостиную. Солнце едва взошло, заливая светом маленький дворик. Несколько листьев уже упали на землю и напоминали сухих бабочек. Я пошел в свою комнату за рюкзаком. За каникулы он будто усох и сморщился. И я понял, что бояться его не стоит. Тем более не нужно пугаться его содержимого. Я покопался внутри, нашел список школьных принадлежностей и прикусил губу, спохватившись, что должен был отдать его папе. Но, с другой стороны, он и сам мог бы вспомнить. Именно так поступают в настоящей команде.

Я уже собирался ввалиться в его комнату и предупредить, но потом решил: ладно... Вывалив всё из рюкзака, чтобы провести ревизию, я обнаружил огрызки карандашей и один из странных рисунков уважаемого Хайсама: яблоня, вокруг которой лежали красные яблоки. Теряясь в догадках, я повесил рисунок на стену. Что он хотел этим сказать? Честно признаться, я ничего не понимаю ни в том, что он рисует, ни в том, что говорит. А если прошу объяснить, становится еще непонятнее.

Кроме того, в рюкзаке лежала последняя контрольная с 3

баллами из 20¹ и замечанием «Старайся», фотография женщины в купальнике, вырезанная из какого-то журнала. В тоненьком таком купальнике. Да и женщина тоже... тоненькая. Я перевернул рюкзак и вытряхнул всё остальное. Уже само ощущение новизны сулит надежду.

Теперь рюкзак показался мне очень легким. Конечно, без всех этих ручек-карандашей в нем нет никакого смысла. Поэтому я захватил парочку прошлогодних тетрадок, которые завалились на дне ящика письменного стола.

Мои школьные дела шли не так уж и хорошо, хотя я пообещал себе улучшить ситуацию. Мне пришлось заново отрегулировать лямки рюкзака: я ослабил их, чтобы не жали в плечах. «Вырос», – подумал я и подошел к большому зеркалу. Точно: разросся вширь, и рюкзак за плечами уже не выглядел таким внушительным.

Конечно, я обрадовался, поскольку телосложение – вещь в жизни важная.

Прежде чем выйти из дома, я не очень убедительно бросил: «До скорого!» – но папа не ответил. В этом нет его вины. Вчера отец, должно быть, вернулся из города довольно поздно. Как обычно, он старался не шуметь, чтобы не разбудить меня, и сейчас ему надо выспаться.

Снаружи было тепло, но пасмурно. Папа припарковал «панар» во дворе на брусчатке. Отец просто одержим этой

¹ В школах Франции принята двадцатибалльная система оценок. (Здесь и далее примеч. ред.)

машиной: накануне он провозился с ней весь день, пытаясь отремонтировать коромысло клапана двигателя, но вместо этого получил кучу проблем со смазочными трубками. Я посоветовал ему снизить подачу масла, и это сработало. Уже вечером, когда папа отправился развозить посылки, я услышал, лежа в постели, что мотор M10S рычал как надо. Ну правда, самая лучшая колыбельная в мире.

Когда я добрался до коллежа², там повсюду толпилась целая куча народа.

Пройдя мимо комнаты консьержа, где я не обнаружил ни Хайсама, ни его отца, я отправился во двор к остальным ученикам, ждавшим директрису.

Двор был полон, а за оградой столпились родители, которым не терпелось посмотреть, как пройдет первый учебный день. Они протискивали головы между прутьями решетки, как заключенные, вдыхающие аромат свободы, – мне показалось это забавным. Директриса начала вызывать учеников

² Школьное образование во Франции отличается от привычного нам российского. Образование состоит из нескольких ступеней. Начальное образование – 3–4 года в детском саду и 5 лет в начальной школе. Среднее образование (а именно о нем и пойдет речь в книге) – 4 года в коллеже и 3 года в лицее. Повествование в книге начинается с первого учебного дня главного героя в четвертом классе коллежа. Обучение в коллеже продолжается с шестого по третий класс. Обратите внимание, что первый год обучения во французском коллеже (и не путайте его с американским колледжем!) называется шестым классом (соответствует шестому классу российской средней школы). За шестым классом коллежа следуют пятый, четвертый (в котором и учатся наши герои) и третий. В конце третьего класса ученики имеют возможность записаться в общий или технологический лицей.

по одному. Мы все построились каждый перед своим классным руководителем. Как только класс набирался полностью, его уводили в здание коллежа. Словно вагон за вагоном уходящего поезда, исчезали ряды учеников, а двор постепенно пустел. Стало интересно, куда же запропастился уважаемый Хайсам, но тут кто-то положил руку мне на плечо. Даже не пришлось оборачиваться – я уже знал, что это он.

– Уважаемый египтянин, – прошептал я, – надеюсь, мы с тобой в одном классе.

– Всё уже решено.

Наконец я обернулся – не терпелось на него посмотреть. Мне показалось, что он еще больше потолстел за каникулы. Свой огромный живот Хайсам носил в клетчатой рубашке, которая давным-давно вышла из моды, и велюровых брюках, настолько коротких, что из-под них выглядывали носки разного цвета. За бессменными очками в черепаховой оправе улыбались два маленьких глаза. Выглядел он уверенно и спокойно, как человек, познавший смысл жизни. Никогда не понимал, как можно столь невозмутимо игнорировать моду, ну да ладно, это его личное дело. И тут я получил от египтянина резкий удар локтем под ребро.

– Виктор! Отсутствует? Уже отсутствует? – вопила директриса в громкоговоритель.

Не лучший момент для дезертирства: не стоит привлекать к себе внимание с самого начала учебного года, я бы предпочел слегка подождать.

– Нет! Нет! Я здесь... – крикнул я, размахивая руками. – Иду, вот, смотрите, я на месте!

Вскоре ко мне подошел Хайсам. «Всё решено», – сказал он, и действительно всё уже было решено. Больше никого в классе я не знал и, следуя по коридорам за классным руководителем, думал: «Тем лучше, никто меня не знает».

Мы расселись по местам, учитель попросил заполнить анкеты. В этом году нас почему-то пожелали *анкетировать* – я так и не понял почему, ну да ладно... Хотелось бы узнать побольше о преподавателях, но я не осмелился и заикнуться об этом. Да предложи я такой учебный проект, к нему точно отнесутся с подозрением. Хотя было бы любопытно узнать, где живут наши учителя, про их семьи и тому подобное. Гораздо интереснее, чем вот это всё.

Хайсам по привычке занял последнюю парту. Я надеялся, что его повадки изменились, однако нет, он по-прежнему желал сидеть за задней партой один. Мой друг часто говорил, что это для него очень важно. Во время уроков Хайсам впадал в состояние глубокой сосредоточенности, которое со стороны напоминало сон. Я-то знаю, что это типа такое сгущение концентрации, представьте себе сироп, – однако учителя каждый год попадались в эту ловушку, думая, что он дрыхнет. Египтянин сидел, опустив подбородок на грудь, скрестив руки на животе и даже прикрыв веки. Уважаемый Хайсам рассказывал, что в такие моменты становится «нильским крокодилом»: всем кажется, будто он спит, однако на

самом деле парень впитывает информацию как губка и реагирует на каждое слово, каждую интонацию учителя. Точь-в-точь притаившийся аллигатор. Тот тоже вроде бы дремлет, но стоит приблизиться – попадешь в пасть.

В прошлом году учитель математики написал на доске мудреный пример с кучей корней и всякими формулами, ну прямо как в научной фантастике. Пока он туда-сюда расхаживал от одного конца доски к другому, мой уважаемый египтянин мирно сидел вот так по-своему и, казалось бы, лениво дремал, ничего не записывая и свесив на грудь голову. Вдруг он приоткрыл одно веко и, почтительно приподняв руку, произнес:

– При всём моем уважении, месье, я думаю, мы можем сделать гораздо проще.

Хайсам медленно подошел к доске, взял мел – и тут все поняли, что происходит чудо. Где-то в уголке доски он поставил всего одну-единственную маленькую черточку, а у учителя глаза на лоб полезли, будто перед ним распахнули дверь в бесконечность.

– Вы совершенно правы, – произнес он унылым и одновременно восхищенным голосом.

А затем взял отпуск по болезни: наверняка ему было о чём поразмыслить.

Заполняя анкету, я слегка застопорился на графе «профессия отца». В итоге написал «покупатель», решив, что лучше и не скажешь. Он, заметьте, и продажами тоже зани-

мается, но я подумал: «покупатель» звучит гораздо загадочнее и даже как-то благородно. Вдруг я забеспокоился: поставил ли папа тепловой зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе «панара»? Иначе коромысло клапана долго не протянет. Задумавшись об этом, я прослушал то, что говорил учитель.

* * *

К полудню мы с Хайсамом снова встретились во дворе. Из-за своих очков с толстыми стеклами он был похож на огромную сову. Медленным шагом мы направились в каморку его отца, консьержа коллежа. Хайсам – уважаемый Хайсам, как я к нему иногда обращаюсь, – ходил всегда очень неспешно. А зову я его так, потому что при знакомстве он всегда выдавал одну и ту же фразу, словно проигрывая заезженную пластинку: «Хайсам – это египетское имя, которое заслуживает уважения».

Его отец ожидал нас перед шахматной доской. Рядом возвышалась пирамида из прозрачного лукама. Мой друг – философ. Однажды Хайсам сказал, что египетские пирамиды – это вроде как доказательство того, что люди безнадежны и по самой природе своей склонны разочаровываться и прикладывать всё меньше и меньше усилий. В тот раз я вообще ничего не понял, поэтому вечером спросил папу, однако он чуть не задохнулся от смеха и посоветовал быть осторожнее

с Хайсамом, поскольку мой приятель смахивает на пессимиста. Я заглянул в словарь, который папа подарил мне в надежде пробудить интерес к учебе, и выяснил, что пессимизм – это «убежденность, что всё плохо».

Короче, сегодня я, как обычно, наблюдал за их игрой в шахматы, пока школа пустела, а мой желудок набивался лукумом. Хайсам переставлял фигуры медленно и церемонно, словно какой-нибудь важный маг. На тонких губах его отца играла вечная легкая улыбка. Они почти не разговаривали друг с другом. После каждого хода мой дорогой египтянин брал кусочек лукума и медленно пережевывал, ожидая реакции отца. Сахарная пудра парила какое-то время над шахматной доской и падала на клетчатую рубашку уважаемого Хайсама. Казалось, под защитой маленького сахарного облачка существует особый мирок – тихий и спокойный.

Мне нравилось уходить из коллежа последним. Да и приходиться последним, если честно, тоже. Только вот Счастливчик Люк³ в этом ничего не смыслил. Кстати, именно Хайсам первым заметил, что наш завуч похож на Счастливчика Люка. Этаким бретонский Счастливчик Люк. Иногда кто-нибудь заглядывал в комнату отца Хайсама с вопросом, и тот отвечал широким взмахом руки. Множество тайн окружало моего дорогого друга. Почему Хайсам такой толстый, а его

³ Счастливчик Люк (*англ.* Lucky Luke) – персонаж комиксов, мультфильмов, художественных фильмов и сериалов. Впервые этот герой появляется в серии комиксов, опубликованных в 1947 году. Он бесстрашный ковбой на Диком Западе, который «стреляет быстрее своей тени».

отец худой? Почему ему дали египетское имя, если его отец – турок? А еще почему уважаемый египтянин соблюдал шаббат, хотя это совсем не египетский и даже не турецкий обычай? Мой приятель Хайсам был очень загадочной натурой. Иногда я искал ответы в словаре, который подарил отец, но и это не всегда помогало. Тогда я просто смотрел, как они играют в шахматы, и объедался лукумом.

Лукум: «удовольствие для горла». Восточная сладость, изготовленная из ароматной пасты и покрытая сахарной пудрой.

* * *

– Ну, как всё прошло? – спросил отец, высунув перепачканную в машинном масле голову из мотора «панара». – Еще не успел отличиться?

Я вздохнул.

– Пока нет...

Он недоверчиво нахмурил брови. В конце прошлого года папа пообещал администрации коллежа, Счастливику Люку в особенности, что будет за мной следить. Чтобы подбодрить меня, он купил «Трех мушкетеров» Александра Дюма и словарь, о котором я уже говорил. Я спросил:

– Ты поставил тепловой зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе? Иначе коромысло клапана сдох-

нет.

Отец пожал плечами, вытирая инструменты.

– А как думаешь, пап, сколько времени Дюма писал «Трех мушкетеров»?

– Не знаю...

– Может, целый год?

– Может... но мне кажется, дольше.

– Думаешь, целых три? По году на мушкетера.

– Возможно.

– Пап, еще кое-что...

Он опустил на переднее сиденье «панара».

– погоди, я сяду, мало ли какая новость...

– Я хотел спросить... Ты сам хорошо учился в коллеже?

Отец выглядел уверенно и страшно важно. Он улыбнулся и смотрел в пустоту. Казалось, папа копается в воспоминаниях, задумчиво почесывая правой рукой подбородок, будто пытаясь выбить из него искры прошлого.

– Да, просто блестяще.

– По каким предметам?

– По всем.

На его лице, которое расплывалось в мутноватом ветровом стекле, застыла забавная улыбка, гордая и в то же время грустная.

У меня всё-таки остались сомнения. Ведь есть такая ерунда, как отцовский долг, обязанность служить мне примером... Я вошел в дом, решив, что о «Трех мушкетерах»

и Александре Дюма лучше распрошу уважаемого Хайсама. Я выпил стакан воды и поднялся к себе в комнату под самой крышей. Потом вытряхнул рюкзак и расставил новые учебники на специально привинченной для них полочке. На стену я прикрепил расписание уроков, потому что в пятом классе⁴ у меня в голове начали путаться предметы, часы, дни, и я постоянно всё забывал. Наконец я подписал тетради, указав на первой странице предмет и имя преподавателя, и обернул их в обложки. Потратил уйму времени, но вышло вполне прилично, и я даже подумал, что начинаю делать успехи. Успехи в подходе к учебе. Это суперважно. Ведь с правильным подходом и за всем остальным дело не станет.

Я спустился в гостиную и спросил папу, может ли он приготовить рис по-египетски по рецепту, который дал Хайсам. За ужином отец обратился ко мне так серьезно, что я даже испугался:

– Ну, мой мальчик, в этом году тебе нравятся преподаватели?

Ему явно очень хотелось сдержать обещание, данное Счастливику Люку. Папа жаждал лично проконтролировать, что в этом году я буду вести себя как следует. Я кивнул для пушей убедительности.

– Видишь ли, мой мальчик, учебный год только начинается. И главное – начать его хорошо. Не слишком быстро,

⁴ То есть в прошлом учебном году. Пятый класс французского коллежа соответствует седьмому классу российской средней школы.

но всё равно живенько. Конечно, надо действовать осторожно... чтобы не выдохнуться на старте.

Он положил руку мне на плечо.

– Жизнь, старик, – это горный этап «Тур де Франс», а не спринт на велотреке. Запомни.

Где отец нахватался этих истин? Вот и он туда же – заговорил загадками.

– Знаешь, пап, я не люблю горы, они скользкие, а от велосипеда болит задница. Так что не обижайся, но, если хочешь меня подбодрить и научить жизни, придумай что-нибудь другое.

Мы убрали со стола и уселись друг напротив друга в старые глубокие кресла. Я начал первый, потому что вчера проиграл:

– Когда Панар и Левассор⁵ запатентовали крепление двигателя на раме автомобиля в трех точках?

Он поразмыслял несколько секунд и пожал плечами.

– Легко: 14 января 1901-го. Моя очередь: первое использование радиатора в «панаре», год?

Я закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Первый радиатор... первый радиатор...

– Есть: 1897 год. И даже скажу, что это было на гонке Париж – Дьепп.

⁵ Основатели знаменитой автомобильной компании «Панар-Левассор». В 1886 году Рене Панар и Эмиль Левассор основали компанию «Панар-Левассор». Она стала одной из первых в мире, выпускающих автомобили на продажу.

Отец восхищенно присвистнул и встал с кресла: его ждала работа.

– Удивительно, что ты наизусть выучил справочник Кребса, а...

Я догадывался, к чему всё это: он прав, однако можно было и не трогать эту тему.

– Я понял, папа, хватит, потому что потому, короче.

– Помнишь, раньше ты думал, что Нельсон Мандела⁶ – нападающий «Осера»?⁷

– Не издевайся.

Мы рассмеялись, поддавшись нахлынувшим воспоминаниям, которые плавали и сталкивались друг с другом, как мыльные пузыри в воздухе.

– Вот увидишь, завтра я тебе такой вопрос придумаю – так просто не отвертишься, – сказал он, размахивая томиком Кребса, – ни за что не отгадаешь.

– Я тоже. И ты тоже не отгадаешь.

В комнате я взглянул на приклеенное к стене расписание и даже немного расстроился. Завтра первый урок в 8:30. Я вспомнил, что отец сказал про новый учебный год: «Главное – начать его хорошо. Не слишком быстро, но всё равно живенько». На прикроватной тумбе лежал роман Александра

⁶ Нельсон Мандела (1918–2013) – южноафриканский государственный и политический деятель. Его борьба с режимом апартеида в ЮАР во время действия романа была известна всему миру.

⁷ Французский футбольный клуб из одноименного города.

Дюма. Естественно, читать я его буду дольше, чем он писал. Я же дошел только до четвертой страницы. Конечно, я бы предпочел полистать справочник Кребса – что-то вроде библии «панара», – уж очень мне хотелось оставить папу с носом.

2

$$x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$$

Вот она, моя первая проблема в этом учебном году. Не единственная, но первая. Я покопался в голове: что там осталось с прошлого года? Пустота. Я повернулся к Хайсаму, который уже отложил ручку, и подумал: может, хотя бы на этот раз он не знает решения? Однако по одному загадочному прищуру было ясно, что уважаемый египтянин уже закончил вычисления. Я бросил в его сторону взгляд, полный безысходности, но в ответ Хайсам лишь слегка приподнял свою лапу над партой. Обычно он делал так в знак ободрения: не беспокойся, всё утрясется, пусть и не лучшим образом, но утрясется. Впрочем, я в любом случае волновался за свои пробелы в знаниях.

Я тайком взглянул на учительницу математики. Она перемещалась с забавным постукиванием, поскольку прихрамывала, а иногда даже ходила на двух костылях, напоминавших спицы, которыми она, казалось, вывязывала урок. Всезнайка Хайсам как-то сказал мне, что преподаватель математики очень несчастна, потому что давным-давно потеряла ребенка. Я же подумал, что именно поэтому учительница теперь заставляет нас решать уравнения. Однажды я спросил Хайсама: «А может, она до сих пор так и носит своего мертвого ребенка в правой ноге?» Он как-то странно посмотрел на

меня, широко раскрыв рот (это было у него признаком глубоких раздумий), а потом положил руку мне на плечо.

– Возможно, для тебя еще не всё потеряно, старина.

Кажется, он глубоко впечатлился моим наблюдением, даже восхитился и именно с этого момента начал воспринимать меня чуть более серьезно. Я же подумал, что это просто офигенно – так приподняться в его глазах.

Я делал вид, что пишу, чтобы никто ничего не заподозрил. К счастью, прозвенел звонок.

В конце дня Хайсам старательно укладывал вещи в свой шкафчик. Я болтался в стороне, но, поскольку мой друг не спешил, пришлось идти в комнату его отца одному. В тот день наш консьерж водрузил на голову потрясающую красную феску, придававшую ему вид древнего владыки. Маленькая золотистая кисточка, которая свисала с фески на бархатной ленте, буквально гипнотизировала меня.

Воспользовавшись отсутствием моего уважаемого египтянина, я попытался раскрыть некоторые интересующие меня тайны.

– Месье, – спросил я, – можете мне объяснить, почему вы назвали Хайсама египетским именем, хотя вы турок? А еще любопытно, почему вы справляете шаббат в пятницу вечером?

– А когда его нужно справлять, по-твоему? В среду утром? Или же в понедельник днем?

Он улыбнулся, и я понял, что отец Хайсама шутит.

– Я хочу сказать, что это не совсем турецкий обычай – справлять шаббат, да и не египетский тоже.

Он успокаивающе приподнял руку, очень напомнив мне этим жестом Хайсама.

– Как знать! Как знать!..

Наконец появился Хайсам. Я попросил его объяснить урок математики, ну потому что, блин... эти уравнения!.. Мы уселись в глубине комнатки, чтобы нам никто не мешал.

– Что именно тебе непонятно? – спросил он.

Выглядел Хайсам очень спокойно.

– Короче, хочу знать, как быть с этой заразой иксом.

$x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$. Не люблю критиковать науку, но это уже ни в какие рамки!

– Здесь нет ничего сложного. Попробуй упростить.

Он закинул в рот огромный кусок лукама и принялся старательно жевать, странно на меня посматривая. Я спросил:

– Упростить что?

– Уравнение, что же еще. Что еще ты собрался упрощать?

– Я не понимаю.

– Смотри. Надо раскрыть скобки, получится: $x - 8x - 2 = 8 - 4x + 2$. Согласен?

Я пожал плечами.

– А дальше что? Это же еще не конец?

– Нет, балбес. Дальше надо перебросить все иксы влево, а остальное – вправо.

– Хорошо. Тогда получится... $x - 8x + 4x = 8 + 2 + 2$.

– Ну вот. А теперь что делаем?

– Не знаю. Ну, пойдём в футбол поиграем?

Он чуть не подавился лукумом: казалось, будто сахарная пудра заполнила его глаза изнутри и они превратились в два маленьких снежка.

– Да нет же, тупица, ты ещё не решил уравнение. Тебе нужно найти значение x !

У меня слезы навернулись. Я вспомнил о папе, который подарил мне «Трёх мушкетеров», который был лучшим в классе, которого отчитал по полной Счастливчик Люк и который делал всё, чтобы за мной присматривать... А я... меня нокаутировал первый же x в учебном году.

– Итак, – продолжил Хайсам, успокоившись, – надо упростить. Упрощай.

– Ладно, упрощаю, упрощаю, куда уж проще... Вот, получилось:

$$- 3x = 12.$$

– Теперь надо поделить на -3 !

– Само собой... Ой! Но мне кажется, как-то не очень: $x = 12 : (-3)$... Наверняка я где-то просчитался...

– Нет, всё правильно, получается $x = -4$. Так тебе больше нравится?

– Честное слово, не понимаю, зачем всё это вообще нужно, но мне нравится. Хотя я и не уверен, что смогу проверить то же самое в одиночку. Гарантировать не могу.

– Интересно, что ты будешь делать, когда появится

несколько неизвестных, – произнес он, глотая еще один сладкий кубик.

– А что, так бывает?

– В математике всякое бывает...

– Как ты всему этому научился?

– Да никак. В этом нет моей заслуги: египтяне всегда были великими математиками.

– А турки, которые соблюдают шаббат?

– И турки тоже. Даже те, которые соблюдают шаббат.

* * *

На следующей неделе дела пошли только хуже, и я заметил, что обстоятельствам вообще свойственно усложняться. Всё началось с учителя географии, который взбесился, раздавая нам проверенные контрольные. На вопрос о климате в Ницце я ответил: «В этом регионе идет снег и иногда случается отлив». Я-то себя понял, но, похоже, только я один. Весь класс взорвался от хохота, особенно несколько тощих девчонок – казалось, они не смеются, а теоремы математические зачитывают. Такие все из себя правильные, что, даже когда пукают, уверен, не воняет. Хайсам тоже улыбнулся, но как-то мягко, по-дружески. Ну забыл я выучить всякое там про климат из-за поршневых пальцев. Папа хотел заменить поршни с четырьмя канавками на поршни с пятью канавками. Поэтому пришлось всё разобрать и вытащить из

поршней хромированные пальцы. Мы заглянули в справочник Кребса, за которым я сбегал в свою комнату, и поняли, что нужно слегка подрегулировать головку шатуна, чтобы поршни не заедало, – а что было дальше, вы знаете. Из-за этой истории я совсем позабыл о климате в Ницце. Хотя и не имею ничего против географии. Один раз отец моего уважаемого египтянина показал мне на карте, где находится Египет, и я увидел, что в этой стране повсюду вода, ну, кроме мест, где пустыня.

– А Турция? – спросил я его.

Он уверенно ткнул в карту на стене. Его гладкий, как жемчужина, ноготь сухо щелкнул по поверхности.

– Вот она, Турция. Прямо здесь.

– Надо же, забавно. Я думал, это Индия.

На перемене после урока географии я стоял в одиночестве, размышляя, что скажет папа и как мне оправдаться. Я наблюдал за летающими туда-сюда мячами и думал, что просто не создан для учебы. Мне показалось, девчонки из класса смеются надо мной, потому что они смотрели в небо и громко спрашивали: «Интересно, когда же пойдет снег...» А потом вертели своими тощими задами и хихикали. Хайсам куда-то запропастился, и я не знал, где искать поддержки. Я вспомнил, как отец застал меня врасплох: «Какие нововведения случились в „панаре“ во время гонки Париж – Берлин в 1901 году?» Даже в справочнике Кребса не было ответа.

В общем, я был не в духе и отказывался от всех предло-

жений поиграть, надеясь хорошенько обмозговать ситуацию – а это в жизни суперважно. Я уже представлял себе папу в кабинете директрисы, да еще и Счастливику Люка, который снова отчитывает его по полной, и мне любой ценой хотелось избежать этого, чтобы не ранить отцовские чувства. Еще я вспомнил об Александре Дюма, который, даже не зная нас, приложил столько усилий, чтобы развлечь и научить всяким историческим штуковинам. Я поклялся прочесть сегодня вечером минимум двадцать страниц «Трех мушкетеров», однако остановился в итоге на пятнадцати, поскольку надо разумно рассчитывать свои силы, чтобы потом не выдохнуться.

Прозвенел звонок с перемены, и я уже не знал, хороший это знак или плохой. Полный сомнений, я встал в шеренгу одноклассников в ожидании учителя физкультуры и еще раз вспомнил про папу и его блестящее школьное прошлое, чтобы придать себе сил. Спорт точно приведет меня в чувство.

Полчаса спустя, оказавшись в кабинете Счастливика Люка, я понял, что спорт приносит мне столько же удачи, сколько и климат в Ницце. Завуч стоял прямо передо мной, широко расставив ноги, и казалось, он вот-вот выхватит револьвер и пустит пулю мне прямо в лоб.

– Я полагал, мы всё обсудили и поняли друг друга... не так ли?... Думал, ты сделал нужные выводы... и решил вести себя лучше...

– Да... то есть нет!

– Что значит «да, то есть нет»?

– Короче, я пытаюсь сказать, что да, выводы я сделал и начал пытаться, но иногда слова сами по себе вырываются...

– Подведем итог... Учитель физкультуры выстроил вас в шеренгу...

– Да, и пошел за ключами от спортзала...

– Вы все построились и ждали его, так?

– Так и было, месье, ждали. Всё именно так, как вы говорите...

– И именно в этот момент ты решил отличиться... Можешь еще раз повторить, что ты там сказал?

Я почесал подбородок. Ситуация действительно была безвыходная. Я подумал, что бы сделал на моем месте д'Артаньян.

– Вы просите меня повторить...

– Да...

– Если для того, чтобы мне стало стыдно, то это не очень любезно с вашей стороны...

– Говори, или я позвоню твоему отцу!

Он сделал вид, что уже тянется к телефону и ищет номер. Я запаниковал ужасно, потому что понял, что Счастливчик Люк знает, как меня подловить.

– То есть повторить?

– Да.

– Ну, мы построились и ждали. Вдруг начался дождь. Знаете, месье Люк... то есть месье Геноле, когда огромные капли летнего дождя, похожие на мух, разбиваются о еще сухую

плитку...

– Избавь меня от своих литературных описаний...

– Но литература очень важна, месье...

– Мне всё равно, я хочу, чтобы ты повторил то, что сказал там, в шеренге...

– Вы читали «Трех мушкетеров» Александра Дюма, месье?

– Нет, я не читал «Трех мушкетеров»... А что? Ты прочитал?

– Да... то есть почти... А вы знали, что Александру Дюма понадобилось целых три года, чтобы написать эту книгу? По одному на каждого мушкетера...

– Нет, я не знал...

Вдруг он снова вернулся к теме разговора:

– Ладно. Ну? Я по-прежнему хочу знать, что ты там сказал...

– Что я там сказал? Вы действительно хотите знать? Короче, я сказал: «Ну и что нам теперь дальше делать? Петушка теребить?»

На несколько секунд завуч потерял дар речи, словно до сих пор не слышал моей фразы. Мне показалось, он вот-вот улыбнется – ну или расплачется, было сложно сказать.

– Ты меня расстраиваешь, мой мальчик, так расстраиваешь, ведь ты же неплохой парень...

– Конечно, месье.

– И можешь многого добиться...

– Наверняка, месье. Тут вопрос в подходе к учебе, как говорят специалисты.

– Ну что, порадуем твоего отца?

Зараза.

И вот оно, внезапное чудо. Я вдруг вспомнил статью из местной газеты, в которую папа заворачивал испачканные инструменты. Ход конем. Прямо битва д'Артаньяна и де Жюссака.

– Слушайте, месье, я сейчас немного ухожу от темы, но вы просто отлично выступили на гонке в воскресенье. Я уже было подумал, что противники вас догонят, но есть еще порох в пороховницах...

Туше. Прямо как Бикара́ со шпагой в бедре, только у этого – колёса в сердце. Счастливчик Люк действительно был чемпионом любительских велогонок и всё свободное время проводил в седле. Забавно думать, что вот у него уж точно всегда болит зад.

– Ты там был?

– Да, – сказал я, изо всех сил пытаюсь припомнить ту самую заметку в газете, – и могу вам сказать: так всех обставить! Да я такого никогда не видел. Даже на «Тур де Франс»! По-моему, вы могли бы стать профессионалом, настоящим чемпионом.

– Возможно, но надо столько тренироваться... никогда не хотел: здоровье прежде всего!

– Вы правы... Здоровье – это очень важно... Но мне ка-

жется, что самое главное в гонке – это не стартовать слишком быстро, чтобы не выдохнуться, прям как в учебном году... – Я надеялся, он оценит это сравнение. – Можно я пойду? А то уже темнеть начинает...

– И чтобы больше я не слышал о тебе никаких глупостей. И попробуй мне еще раз выразиться в подобном ключе. Тут же позвоню твоему отцу, и ему вряд ли это понравится.

– Это точно.

Я вышел из кабинета. Ну вот, со всеми этими приключениями пропустил школьный автобус. Издали я увидел, что Хайсам и его отец в каморке собираются сыграть партию в шахматы. Мне хотелось пойти к ним, чтобы смотреть за игрой, объедаться лукумом и больше ни о чём не думать – что может быть лучше шахмат в такой ситуации? Однако я решил, что лучше отправиться домой, поскольку уже достаточно отличился за этот день. Уважаемый египтянин заметил меня издали и поднял руку в знак приветствия. Из-за круглых очков в черепаховой оправе он по-прежнему походил на большую тихую сову. Бесконечно умиротворенную.

* * *

Пока я добирался до дома пешком, солнце уже начало спускаться за деревья. Я пошел через небольшой лес, который тянулся вдоль дороги. Здесь, среди деревьев, наш учитель биологии разбил прудик и наблюдал за головастиками и

лягушками. В прошлом году я додумался вылить туда средство для мытья посуды, отчего некоторые лягушки подошли – их нашли потом пузом кверху, – а другим я серьезно навредил. Убийство амфибий вышло совершенно случайно – я поклялся в этом Счастливику Люку. Однако он поверил мне только наполовину, и, чтобы доказать мою любовь к природе и возместить ущерб, мне пришлось все зимние каникулы ухаживать за прудом. Потом, в том же году, месье Дюбуа всё равно заставил нас изучать лягушачьи рефлексы: он разрезал одну из них и нацепил кучу электродов. Да уж, ну и стоило после такого учить меня уважению к лягушкам и любви к животным.

Я спустился по склону и обогнул громадные дома у въезда в деревню. Прямо возле церкви я столкнулся с девочкой из моего класса. Мари... Мари что-то там... не помню уже. Сперва я подумал развернуться и пойти в другую сторону, потому что ну правда... Но так как она тоже шла по направлению к деревне, а я и так уже всюду опаздывал, я просто замедлил ход, стараясь случайно ее не перегнать. Но девчонка повернулась, увидела меня и, вместо того чтобы сбежать, как я надеялся, остановилась и помахала рукой. Я крепко влип.

– Думаешь, сегодня пойдет снег? – спросила она.

– Эй! Ну хватит! Как будто ты никогда не несешь всякую хре... чушь?!

Девочка задумалась над ответом.

– Знаешь, нет, никогда такого не было.

Не похоже, чтобы она сильно этому обрадовалась.

– И вообще всё это из-за папиных поршневых пальцев, но ты вряд ли поймешь.

– Думаешь?

Что-то упорно вертелось на языке... Ее имя... Мари... Мари... Мари... что же там?

– Это точно, поверь, – произнес я наконец.

Чтобы так ответить, я принял серьезный вид, потому как уж в этом вопросе я был уверен. Нет, здесь меня не провести, я точно покажу себя с лучшей стороны. Тут я тоже ошибся, но это вы потом увидите. За несколько минут мы не произнесли ни слова. Моя голова была занята поисками ее имени... Оно так и вертелось на языке, но всё время ускользало. Я тайком поглядывал на девчонку. Волосы у нее были рыжие, такие сильно кудрявые и закрывали половину лица, разлетаясь во все стороны. Она казалась аккуратной, как японская куколка. А я вспомнил, что уже три дня не мылся в душе, и тут же поклялся себе исправить положение сегодня вечером – ради самоуважения, чего там! Я задумался, чем бы таким ее поразить, потому что история с Нищей раздражала меня, задевая гордость. Вдруг мне пришла в голову идея:

– Хочу спросить... Ты уже читала книги Александра Дюма?

– Отца или сына?

– В смысле, отца или сына?

– Александра Дюма-отца или Александра Дюма-сына?

Я больше ничего не понимал, всё опять начало усложняться, и я решил, что разузнаю об этом попозже, а сейчас надо срочно сменить тему разговора. Я попытался вспомнить хоть что-нибудь, где я точно не сморожу чушь. Вдруг я взглянул на ее правую руку. Она носила огромное кольцо, поэтому я решил сделать ей комплимент:

– Какая граната на кольце⁸. Оно настоящее?

Я не сразу понял, почему девочка посмотрела на меня, словно на пришельца. Она даже не знала, что ответить, как будто мы разговаривали на разных языках. Я снова начал:

– Кажется, тебе интересны всякие там научные штуки.

Она немного растерялась от очередного поворота в разговоре и нахмурилась. Наверняка подумала, что я пытаюсь ее закадрить или что-то в этом роде.

– А тебе неинтересны?

Наконец-то, вот оно. Ее имя – Мари-Жозе.

– Конечно, – ответил я как можно убедительнее, – конечно, тоже интересны. Но не каждый день.

– Мне вот показался очень полезным урок биологии о глазах.

Мари-Жозе выглядела задумчивой и какой-то далекой. Она продолжала, словно про себя:

– Удивительно, что происходит с радужной и роговой оболочками...

⁸ Конечно, Виктор имел в виду полудрагоценный камень гранат темно-красно-го цвета. С ним такие ошибки довольно часто случаются.

– Тоже видела, да? – спросил я. – Когда он начал объяснять, как можно ослепнуть из-за этой хре... этой штуковины, роговицы...

Мы проходили мимо булочной, когда я заметил, что солнце уже село и начало смеркаться. Вдруг Мари-Жозе остановилась, повернулась ко мне и сказала с улыбкой в голосе:

– Когда ты ослепнешь, то не увидишь снега в Ницце, равно как не узнаешь, отлив это или прилив. Весьма печально, особенно когда так любишь этот регион и его климат...

Она повернулась спиной, на том мы и распрощались. А для меня это было полное унижение.

Унижение: состояние, чувство того, кого уязвили или унизили. См. также Уязвить. Ранить самолюбие.

В этом определении содержалось как минимум два непонятных мне слова. Если нужно быть специалистом, чтобы понять определение, то зачем это вообще надо?

* * *

Когда я вернулся домой, то тут же задал папе вопрос, который не давал мне покоя:

– Пап, серьезно, вот ты знал, что было два Александра Дюма?

Он оторвался от «Объявлений для профессионалов и любителей», в которые всегда погружался с головой.

– Да, отец и сын.

Я вздохнул с болью.

– Почему ты так вздыхаешь?

– Ну, я вижу, что много людей знают кучу вещей, о которых я даже не слышал... По дороге из школы я встретил одноклассницу, так вот, она уже в курсе, что было два Александра Дюма. Я больше никогда не заговорю с ней о «Трех мушкетерах». А Хайсам небось вообще сто лет об этом знает... Ну вот зачем, скажи, Александр Дюма дал своему сыну такое же имя?

– Понятия не имею. Может, хотел, чтобы тот писал книги, как отец, поэтому подумал, что такое имя принесет ему удачу.

– Забавный обычай. А кто написал «Трех мушкетеров», отец или сын?

– Отец.

– Я так и подумал...

– Почему это?

– Гораздо больше похоже на книгу отца, чем сына.

Дом полностью погрузился во тьму, и мне стало интересно, как папе удастся до сих пор делать заметки в «Объявлениях», где такой мелкий шрифт. Я включил лампу на буфете и открыл рюкзак, чтобы вытащить из него вещи.

– ...Наверняка книги его сына, сына Александра Дюма, менее удачные и образовательные. А что он вообще написал?

– Я уже не помню. Что-то вроде «Черного тюльпана», ка-

жется, и еще «Даму с камелиями». Красивая история о женщине с цветами. Она была влюблена и больна одновременно.

Затем папа снова погрузился в «Объявления для профессионалов и любителей» – это был небольшой журналчик, который он в свое время придумал, чтобы самые разные коллекционеры могли общаться между собой. Но больше всего меня восхищало в папе то, что в своем журнале он сам предлагал любителям старья разные штуки. В городе у него было что-то типа склада, где отец хранил всякий хлам, пока на него не найдется покупатель. «Канада» – так мы называли этот склад – досталась ему от бабушки. Это странное место разросло в моих фантазиях до размеров целой сказочной страны. Я никогда там не был и даже понятия не имел, почему отец назвал свой склад «Канадой». Но я точно знал, что однажды увижу это место и в моей жизни начнется новая глава.

– Папа?

Он оторвался от журнала. У него были красивые голубые глаза, немного влажные, и мне всегда казалось, что он вот-вот расплачется.

– Да?

– А твой папа поступал так же, как ты со мной? Он следил за твоими школьными делами?

Папа надел колпачок на ручку, посмотрел на меня взглядом, полным нежности, и нарисовал в воздухе длинную макаронику.

– Он приехал из Польши перед самой войной, а как только мир восстановился, начал продавать всякий металлолом... Когда стало получаться, то он был слишком занят в «Канаде», чтобы пристально за мной следить...

– То есть ты сам заделался таким крутым?

Он кивнул, задержав дыхание, и это было потрясающе.

– Пап, скажи, а ты очень любил своего папу?

Он застенчиво улыбнулся – скромность и всё такое – и снял колпачок с ручки. А я подумал, что папа сейчас ускользнет от меня, прям как рыба с крючка.

– Я не уверен, хорошо ли его знал... Сегодня, когда я обо всём этом вспоминаю, даже спрашиваю себя, действительно ли он существовал. Думаешь, отец и сын много знают друг о друге?

Папин взгляд внезапно стал странно-серьезным. Вокруг повисла суперторжественная атмосфера, однако философские грозы могли разразиться в любой момент.

– Да ладно, пап, мы ж с тобой прекрасно знакомы, разве нет? А мой друг Хайсам и его отец тоже знают друг друга, как шахматную доску...

Он задумался на несколько секунд. Казалось, мыслями он был где-то далеко.

– Да, ты прав. Мы с тобой друг друга знаем. Да, знаем...

Вид у него был не очень уверенный.

– У меня есть еще пара вопросов, но это неважно.

– Да давай уж.

– Ну для начала, мне интересно, как учителя покупают туалетную бумагу, прямо вот так, у всех на глазах?

– Я тоже задавался этим вопросом в твоём возрасте. До сих пор не знаю ответа. А второй вопрос?

– Что на ужин?

– Лягушачьи лапки.

3

Я ужасно восхищался тем, как мой египетский друг и его турецкий отец умудрялись запоминать один в один огромное количество шахматных партий, которые по той или иной причине прославились на весь мир. Поздно вечером либо рано утром они могли разыграть, например, партию между Багировым⁹ и Гуфельдом¹⁰ 1973 года, или же матчи Решевского¹¹ (любимого игрока моего дорогого Хайсама) с Авербахом¹² в 1953 году или с Бобби Фишером¹³ в 1961-м. Так Хайсам путешествовал во времени и пространстве, не выходя за пределы шестидесяти четырех черно-белых клеточек.

Хайсам каждый раз комментировал ходы, как будто я что-то мог понять в этой сложной игре – настолько сложной, что ее даже называли игрой королей и королевой игр. Но мне

⁹ Владимир Константинович Багиров (1936–2000) – советский, латвийский шахматист, гроссмейстер, известный шахматный тренер, работал с Г. Каспаровым.

¹⁰ Эдуард Ефимович Гуфельд (1936–2002) – советский, американский шахматист, гроссмейстер.

¹¹ Самуэль Решевский (1911–1992) – знаменитый американский шахматист, вундеркинд, гроссмейстер.

¹² Юрий Львович Авербах (род. 1922) – российский шахматист, международный гроссмейстер, шахматный композитор.

¹³ Роберт (Бобби) Фишер – американский гроссмейстер, одиннадцатый чемпион мира по шахматам, отличался экстравагантным поведением.

очень хотелось быть на высоте.

– Видишь ли, – учил он меня шепотом, – Решевский был довольно скрытным игроком. И совершенно непредсказуемым. Он не любил ни гармонии, ни прозрачности, но обожал странные ходы, которые совершенно сбивали с толку соперника!

– Надо же...

– Ну конечно! А еще он был приверженцем защиты Нимцовича¹⁴, чтобы избежать сдвоения пешек...

Я прикидывался, что догадываюсь, о чём речь, и ценю предмет беседы.

– Ты же хотя бы примерно понимаешь, о чём я? – спрашивал меня Хайсам.

– Ну конечно же да!

И глаза моего друга улыбались за толстыми стеклами очков.

Наверняка он делал вид, будто верит, что я могу понять хоть что-нибудь в этой игре, которая была еще посложнее уравнений с одним неизвестным (а это уже нечто невероятно трудное). Хайсам был ко мне очень добр.

– Видишь, – говорил он, показывая на своего отца, который только что сделал ход, – Авербаха критиковали за такой ход, потому что конь находится теперь на g3. Лучше бы он пошел восьмым ходом на c5.

¹⁴ Аарон Исаевич Нимцович (1886–1935) – знаменитый шахматист и теоретик шахмат.

– Я так тоже подумал...

Однажды я спросил уважаемого египтянина: зачем играть партии, которые уже кто-то сыграл в прошлом и все знают, чем это закончилось.

– Это как повторять таблицу умножения...

– Ты это специально, чтобы побесить меня?

– Нет, я это для сравнения...

– Как там твоего игрока?

– Решевский?

– Да, он самый. Наверняка вот у него не было никаких проблем ни с таблицей умножения, ни с уравнениями, ни с неизвестными...

– Конечно не было. В шесть лет он уже играл в шахматы одновременно с двадцатью взрослыми. Его называли «маэстро лазеек» из-за развитого инстинкта самосохранения и способности вывернуться даже из самых безвыходных ситуаций.

– Короче, он был экспертом... Как и Александр Дюма.

Хайсам улыбнулся, а я подумал, что наверняка опять сморозил глупость.

– Можно и так сказать. Но твой Александр Дюма больше всего на свете любил объедаться и волочиться за юбками!

Я не осмелился возразить, потому что не хватало знаний, но всё-таки пообещал себе попозже проверить эту информацию. Я попытался исправить положение:

– Ну знаешь, писать книжки он тоже любил...

– Конечно любил, но не настолько.

– Ясное дело, за юбками волочиться веселее!

Мы подошли к кабинету математики и встали у стены, чтобы пропустить школьников, которые спешили покинуть класс после окончания предыдущего урока. Я поискал глазами Мари-Жозе и заметил копну ее рыжих кудрявых волос. «Насколько же она выше меня, – подумалось мне, – и вся такая аккуратная, с четкими, чистыми линиями, ну как бы ни одной помарки на полях». Я вспомнил еще, что говорил папа, когда хотел пробудить любовь к чистоте: «Заботься о своих ногах, ноги – это то, что отличает тебя от остальных». И тут я опустил глаза и увидел, что носки Мари-Жозе безупречны: супербелые и тщательно натянуты.

Я совершенно расплывался на ее фоне, словно в воздухе растворялся.

Как только все зашли в класс, нам раздали листочки со всякими фигурами и вопросами, и я тут же понял, что всё очень сложно. А ведь накануне я провел вечер, штудирюя справочник Кребса и разные журналы, чтобы наконец-то ответить на папин вопрос о новшествах во время гонки Париж – Берлин 1901 года, но уснул, так и не найдя нужных сведений, и забыл подготовиться к уроку. В поисках вдохновения я поточил карандаш, а затем прочел задачу:

Построй равнобедренный треугольник ABC с вершиной A . Пусть точка E – симметричное отображение точки A относительно отрезка BC . Пусть

точка В – параллельный перенос точки А на вектор

. Докажи, что точка Е – параллельный перенос

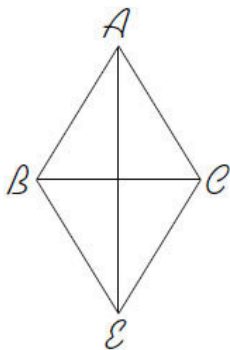
точки С на вектор

Ну просто высшая математика. Я вспомнил об игроке Решевском, о котором рассказывал мой уважаемый египтянин. Как бы мне хотелось быть таким, как он, – «маэстро лазеек». А еще обладать потрясающим инстинктом самосохранения, который позволил бы победить все треугольники мира, – но как бы не так! Чтобы немного потянуть время, я уронил металлическую линейку, отчего все встрепенулись, а наша хромая учительница сделала мне замечание:

– Виктор! Пересядь... Собери вещи и садись... вон там, рядом с Мари-Жозе. Так по крайней мере ты не будешь отвлекаться...

Усаживаясь за парту Мари-Жозе, я хотел ей улыбнуться, но ту полностью поглотила контрольная: она исписала свой листок почерком таким же аккуратным и ровным, как и ее носки. Я же подумал, что ей лучше бы не видеть ни моего почерка, ни моих носков – насквозь дырявых, да еще и с рваной резинкой. Потом я снова замечтался, а когда очнулся, передо мной лежал черновик, на котором было написано:

ABC — равнобедренный треугольник с вершиной A , следовательно, $AB = AC$.

Точка E — симметричное отображение точки A относительно отрезка BC , следовательно, $AC = EC$ и $AB = EB$.

$EC = AC = AB = EB$.

Следовательно, $ABCE$ — ромб и параллелограмм.

Следовательно, точка E — параллельный перенос точки C на вектор $\vec{r}\vec{r}$.

Такого точно со мной никогда не случилось. Я оглянулся в поисках того, кто сделал для меня доброе дело, однако никого не заметил. Сидевший в другом конце класса Хайсам точно был ни при чём. Он снял большие очки и блуждал взглядом где-то далеко-далеко за горизонтом. Мой друг был похож на огромную птицу, выпавшую из гнезда. Такой одновременно хрупкий и бессмертный. Я перестал задаваться вопросами, решив подумать об этом позже, и принялся старательно списывать.

Во время перемены я хотел спросить Мари-Жозе: не она

ли сотворила чудо? Но не нашел ее. Она оказалась не из тех, кто болтался по туалетам, как другие девчонки. Тогда я отправился в библиотеку коллежа – более подходящее для нее место, как мне показалось. Это что-то типа хранилища разных сведений, где можно узнать всё что угодно. Сам я, правда, раньше там никогда не бывал. По телевизору я слышал, что иногда библиотеки называют «храмом культуры». А я старался держаться подальше от храмов, да и от культуры тоже.

Там Мари-Жозе тоже не наблюдалось. Я сделал вид, что ищу книгу, и, чтобы как-то объяснить свое присутствие здесь, открыл наугад словарь.

Камелия. Название, которое Карл Линней¹⁵ дал вечнозеленому кустарнику с овальными блестящими листьями и большими цветами. В честь ботаника о. Камеля. «Дама с камелиями» – роман Александра Дюма-сына.

Довольный найденной информацией, я подумал, что Александр Дюма-сын тоже, вполне вероятно, выбрал этот цветок в честь своего отца, который очень устал, написав «Трех мушкетеров» – настолько познавательный роман, что по нему теперь снимают фильмы. Да, Дюма-сына нельзя назвать неблагодарным. Я решил обязательно рассказать обо всём папе – ведь это реальное доказательство того, что меж-

¹⁵ Карл Линней (1707–1778) – шведский естествоиспытатель и медик, создатель единой системы классификации растительного и животного мира.

ду отцом и сыном может происходить нечто важное. Отложив словарь, я увидел, как Мари-Жозе возвращает книгу библиотекарю. Дождавшись, когда она выйдет, я отправился за ней и уже собрался позвать, но Мари-Жозе поджидала компания воображал-подружек, и я передумал.

Последний урок мы провели, препарируя бычьи глаза. Нас разбили по парам. Хайсам орудовал скальпелем, а я записывал. Я пытался встретиться взглядом с Мари-Жозе, но впускаю, потому что она не отрывала своих глаз от бычьих. Затем месье Дюбуа начертил схемы, чтобы показать, как видит бык, и я запомнил, как он нарисовал маленький поезд напротив глаза, чтобы было понятнее. Для нас всё работало примерно так же. В какой-то момент Мари-Жозе задала заумный вопрос, смысл которого от меня ускользнул из-за сложных словечек. Месье Дюбуа очень удивился, а Мари-Жозе уточнила:

– Просто мой отец – врач, поэтому я спросила...

Когда все вышли из класса, я сделал вид, что никуда не спешу, в надежде пропустить Мари-Жозе вперед и пойти за ней. Но столкнулся со Счастливым Люком. Мой план с треском провалился, потому что направлялся он прямо ко мне, да и вообще это был плохой знак. Я думал, думал, что же такого сделать, но не находил. Наверное, у меня всё на лице написано. Может, завучу уже рассказали о чуде на уроке геометрии, и он теперь меня подозревает?

– Как дела, Виктор?

Вид у него был дружелюбный, что меня немного успокоило, однако он казался каким-то нервным.

– Хорошо, а у вас? Как же вам не повезло в прошлое воскресенье... Щебень на спуске, какая жалость!

Счастливчик Люк пожал плечами.

– Всё хочу тебя кое о чём спросить.

– Да?

– Скажи, кто написал «Трех мушкетеров»: Дюма-сын или отец?

Он скрестил руки на груди и смотрел на меня таким взглядом, будто сейчас перед ним откроются тайны Вселенной.

– Конечно же, Александр Дюма-отец. Сын писал всякие истории о цветах, которые не отличались крепким здоровьем.

– Надо же... странная семейка.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что чтение требует... гм... длинных этапов.

Я вспомнил о символичной манере выразиться моего египтянина, которого тоже сложно понять с первого раза, и подумал, не заразно ли это.

– То есть у вас тоже всё туманно с языком? – спросил я Счастливчика Люка.

– Бла-бла-бла... Я же себя понимаю. Кстати, нельзя слоняться по коридорам.

И я быстренько сбежал, потому что не хотел, чтобы всё полетело в тартарары. Встречи с представителями власти не

всегда проходят удачно.

Едва оказавшись на улице, я посмотрел по сторонам, разыскивая Мари-Жозе. Ее силуэт виднелся уже далеко. Она шла одна, а это редкость, и, если я хотел воспользоваться случаем, следовало поторопиться.

Я перешел на шаг метрах в двадцати от нее, но девчонка всё равно обернулась, потому что я пыхтел, как выброшенный на берег кит. Ее кудри рассыпались по лицу из-за внезапного порыва ветра. Казалось, именно такой ветер нагоняет на землю ночь.

– Ты тоже живешь в деревне? – спросила она.

– На выезде, прямо за гаражом. Ты редко ходишь без подружек. Кажется, вы отлично ладите.

– Я вижу с ними только в коллеже, а после... Мне кажется, они такие...

– Тощие воображалы?

Я тут же прижал ладонь к губам, поскольку понял, что сморозил что-то неподобающее. Я покраснел, что меня удивило, и захотел бежать со всех ног, но уже выдохся и не мог сдвинуться с места. Мари-Жозе всё-таки улыбнулась, но едва-едва. Казалось, она думает над ответом.

– Я бы вряд ли так выразилась, но, в общем, я понимаю, о чём ты.

Мы молча дошли до огромных домов на въезде в деревню. Внезапно я ляпнул:

– Кстати, спасибо за решения с этим треугольником, ров-

но... равно...

– ...бедренным?

– Да, бедренным.

– Тебе не за что меня благодарить, я здесь совершенно ни при чём. Я даже понятия не имела, что ты списал...

Так как мы шли мимо церкви, а я не знал, как выкрутиться, я просто сказал:

– Тогда не вижу других объяснений: это чудо. А когда случается чудо, надо благодарить Бога. Я так обычно не делаю, но ладно.

Я стрелой помчался в церковь и опустился на колени на специальную... молельную штуковину. Я произнес молитву собственного сочинения в честь бога всех геометров и треугольников, равнобедренных и не только. Силуэт Мари-Жозе виднелся в дверном проеме, как в театре теней, словно какой-то древний призрак, а мои слова разносились по церкви со звуком хлопающей в раковине воды.

Оказавшись на улице, я попытался принять вид, достойный торжественного момента.

– А ты забавнее, чем я предполагала, – задумчиво произнесла она.

Несмотря на сумерки, я разглядел на ее лице странную улыбку – непонятно, правда, смеялась ли Мари-Жозе над мной или же ей было грустно, а может, и то и другое одновременно. Вдруг она остановилась и показала на ворота.

– Вот, мы пришли.

– Знаешь, забавно...

– Что же тут забавного?..

– Ну, ты говорила, твой отец... врач, а тут нет таблички...

– Во-первых, не все врачи вешают таблички у входа; например, те, кто работает в больнице... А во-вторых, мой отец не врач.

– Зачем же ты соврала месье Дюбуа?

– А разве я спрашиваю, зачем ты сразу после обеда украл бумагу из женского туалета и спрятал ее под умывальником? А у нас весь день болел живот!

Я пожал плечами.

– То есть ты уверена, что не давала мне ответов к контрольной?

– Конечно уверена. Зачем мне это делать, можешь объяснить?

Мари-Жозе открыла ворота большим ключом, и я успел разглядеть за ними огромный сад – настоящий парк. Она уже собиралась исчезнуть, как вдруг обернулась и сказала:

– Если хочешь, можешь зайти как-нибудь ко мне позаниматься.

Я был польщен, но слово «позаниматься» всё равно меня немного раздражало.

* * *

Тем же вечером я оставил папу в компании «Объявлений

для профессионалов и любителей». Он немного удивился, потому что обычно в пятницу вечером я охотно помогал ему делать пометки в журнале по поводу возможных заказов и доставок. Я сказал, что мне необходимо подвести итоги. А он такие вещи уважал и даже поощрял. Мы договорились встретиться следующим утром, чтобы покопаться в «панаре».

Я начал с того, что открыл словарь:

Чудо (лат. *miraculum*, «чудо, диво», от *mirari*¹⁶, «дивиться, удивляться»). Необыкновенный факт, который обычно принимают за божественное благое вмешательство и наделяют духовной значимостью.

Я подумал, что они там, в словаре, немного преувеличивают значение слова «чудо», но в целом согласился. В любом случае у меня маловато знаний обо всяких там божественных штучках. Я вытащил из письменного стола все книги, даже прошлогодние – вреда от них не будет. И тут наткнулся на малюсенький учебник, который мне дала одна дама – отец пару раз водил меня к ней из-за проблем с учебкой. Однако наши занятия как-то быстро прекратились, поскольку через месяц после нашей первой встречи она переехала и больше мы ее не видели. Папа сказал, что я тут ни при чём и она еще до нашей встречи решила так сделать, но всё же.

¹⁶ Конечно, наш герой узнал значение французского слова «miracle» («чудо»). А вот русское слово «чудо» имеет общеславянское происхождение и связано с глаголом «чути» (чувствовать). Кроме того, оно того же корня, что и «кудесник».

В начале этой книжки авторы, специалисты по чужим проблемам, предлагали пройти небольшой опрос, чтобы школьники вроде меня оценили положение дел, – очень мило с их стороны и внушает доверие. Я провел половину вечера, отвечая на вопросы, которые показались мне какой-то игрой. Затем, в зависимости от полученных баллов, надо было найти свое место в одной из предложенных категорий:

15/20 – 20/20: ты хорошо усвоил материал. Bravo! Можешь приступить к упражнениям.

8/20 – 14/20: у тебя есть трудности. Поищи ошибки и поработай над материалом, который ты не понял на занятиях, с помощью упражнений с комментариями.

0/20 – 7/20: у тебя большие трудности. Подробно изучи тему и сделай все упражнения с комментариями.

Короче, у меня большие трудности. Мне необходимо подробно изучить тему и сделать все упражнения. Такие результаты быстро вгоняют в тоску, стоит признать. Я пролистал содержание этого учебника: там было всякое про косинусы, плоскости, параллели, конусы, пропорции и много еще всего – я таких названий даже не выговорю. Я отшвырнул книжку в сторону, и она приземлилась, как блин, на электрогитару. «С чего же начать, чтобы навестать?» – спросил я себя. Мне казалось, что я в лодке, которая протекает одновременно со всех сторон, а у меня не хватает пальцев, чтобы заткнуть эти дыры. Да я даже не смог найти ответ на вопрос про Париж – Берлин в 1901 году! Я вспомнил о Решевском.

Хайсам рассказывал, что тот был потрясающим игроком, потому что вырос без тренера и без методики обучения и всего добился благодаря таланту. У меня тоже не было ни методики, ни тренера; правда, и таланта, чтобы всего добиться, кажется, тоже не наблюдалось. А сам я далеко не «маэстро лазеек»! Только чудо могло спасти ситуацию. Я спрашивал себя: что делать с приглашением Мари-Жозе прийти к ней позаниматься? С Хайсамом же всё иначе. Я столько раз вел себя при нем как придурок, но он не обращал внимания: у уважаемого египтянина душа принца, он никогда не осудит и всегда готов поддержать. С тех пор как я сказал, что учительница математики носит в правой ноге своего мертвого ребенка и что именно из-за его веса она хромает, Хайсам относится ко мне серьезно. Но вот понимает ли Мари-Жозе людей так же хорошо, как мой благородный египтянин?

* * *

– По правде говоря, я не на высоте, – заявил я отцу, который дергал рычаг переключения передач «панара».

Рано утром мы отправились по магистрали на юг. Мы давно выехали из деревни и теперь ехали вдоль густого леса. Деревья простирали к пустому небу свои огромные голые руки-ветки, что выглядело необыкновенно в это тихое и спокойное утро. Я захватил с собой справочник Кребса и блокнот для записей о «панаре».

– На высоте чего? – поинтересовался папа.

– Ну, в целом не на высоте. Так говорят эти, из учебника, который мне дала мадам Пик в прошлом году. Помнишь, та милая дама, что переехала сразу после встречи со мной! Она еще сказала, чтобы я прошел тесты. Короче, теперь всё ясно. Я совсем не на уровне. Они, конечно, очень милы в этой книге, пытаются не сбить с верного пути, не задеть гордость и достоинство таких, как я. Но всё равно кажется, что они нас за полных тупиц держат с этой добротой... а в конце концов я должен подготовиться к тому, что никогда из этой ситуации не выберусь. Остается надеяться на чудо...

– На что?

Отец нахмурился, пытаясь понять, словно я говорил на другом языке.

– На чудо, на божественное вмешательство, если хочешь...

– Может, тебе просто нужно больше времени, чем остальным? Очень хочется опустить руки в начале гонки... Но у тебя в запасе еще море топлива...

– Речь не о спорте! Ты вот знал, что один игрок в шахматы, Решевский, в шесть лет играл одновременно двадцать партий против взрослых и все выиграл? И даже без тренера...

– И что?

– И то, что я даже в домино играть не умею.

– Так ты никогда не учился...

– В этом и проблема... Вспомни... Дядя Зак как-то пы-

тался научить меня играть в шахматы, но я не мог запомнить даже, как конем ходить... А этим летом Хайсам снова попытался объяснить мне правила, но они не запоминаются... Слишком много диагоналей в этой штуковине... И эта кляча действительно ходит по-дурачки!

– В мире много людей, которые не умеют играть в шахматы...

– Но у меня так везде: с косинусами, параллелями, косинусами, климатом Ниццы. Даже с правописанием: я до сих пор пишу «имузительный» вместо «изумительный». Говорю ж тебе, со мной что-то не так.

В это время мы проезжали какую-то деревеньку, где все дома были из камня. На еще сонных фермах красовались большие вывески с надписями «Свиньи», «Овцы», «Бараны».

– Видел, – сказал папа, – они еще и обзываются!

Я лишь слегка улыбнулся, но в итоге сдался и разразился хохотом, как папа, и мы уже не могли остановиться. «Панар» катился зигзагами в это кристальное утро. Вдруг мимо нас промчалась стайка велосипедистов: все такие разноцветные, раскачивающиеся вправо-влево на своих сиденьях, потные, с большими задами. Папа распахнул окно.

– Лентяи! – проорал он. – Капиталисты!

И вдавил педаль газа в пол, отчего из «панара» аж искры посыпались.

Было очень смешно, пусть я и не знал, что значит «капи-

талисты», но я подумал, что это кто-то вроде лентяев. Затем папа включил радио, и заиграла песня «Satisfaction»¹⁷ группы The Rolling Stones – истинная красота рока. Было забавно слышать, как папа пытается петь вместе с Миком Джаггером¹⁸.

«Панар» остановился в деревушке, мы вышли из машины и отправились в кафе. Отец крепко пожал руку хозяину заведения – круто! Наверняка это был кто-то из его клиентов, потому что папа заметил, что товар еще не доставили. Я понятия не имел, о каком товаре шла речь, но это выражение меня всегда впечатляло: папа часто говорил так, особенно по телефону с клиентами. Я заказал горячий шоколад, бутерброд и заглянул в блокнот. Мне следовало обращать больше внимания на работу «панара», потому что, в конце концов, именно ради этого я отправился в путь с отцом еще на рассвете. С нашей машиной достаточно ослабить хватку на пару минут – и всё барахлит. «Панар» – автомобиль гордый и известен своей капризностью. Очень непредсказуемый тип! Его ахиллесова пята – выхлопная труба.

– Мне кажется, – заметил отец, возвращаясь с подносом в руках, – что клапаны издают какие-то странные звуки...

– Потрескивают?

– Да.

¹⁷ «Удовлетворение» (англ.) – знаменитый хит рок-группы The Rolling Stones 1965 года.

¹⁸ Солист группы The Rolling Stones.

– Запишу.

Сделав глоток шоколада, я пролистал справочник Кребса.

– По-моему, – сказал папа, – надо бы проверить цилиндр.

– Посмотри, чтобы уплотнительные кольца регуляторов подъема клапанов были затянуты. Потому что в последний раз, ты уж извини...

– Глянь, у тебя усы...

Он улыбнулся. Я провел рукавом по губам, чтобы «побриться». И тоже улыбнулся.

– Знаешь, папа, главная проблема в том, что я расплылся.

– То есть?

– Я понял это в тот день, когда учительница математики посадила меня с одной девчонкой.

Он снова улыбнулся.

– А она не расплылась?

– Ничуть. Наоборот, такая четкая. Даже слепые, наверное, исцеляются, глядя на нее. И знаешь, из-за чего я так подумал?

– Нет.

– Из-за ее носков.

Мы замолчали на несколько секунд. Затем я продолжил:

– Папа?..

– Да?

– Надо купить мне новые носки, чтобы без дыр и с резинкой. Я правда верю, что дела в школе пойдут лучше с достойными носками – носками победителя! А ты, пап, элегантно

одевался в моем возрасте?

Он немного подумал. В кафе вошли охотники.

– Суперэлегантно. Я носил галстуки и жилеты. А еще мокасины.

Отец считал, что элегантность – что-то вроде паспорта и что мой дедушка, от которого он этого нахватался, никогда не смог бы прижиться во Франции, если бы не его костюмы милорда.

Я представил его, такого шикарного, на школьном дворе, и это меня как-то даже тронуло. Оказывается, незнакомое прошлое может волновать не меньше неизвестного будущего.

– Получается, твое чудо – это носки! – заметил папа.

– Вроде того.

Мы вернулись к «панару» и отправились в путь. Папа обращался с рычагом переключения передач мягко, словно гладил по голове.

А затем снова включил The Rolling Stones.

На следующей неделе я убедился, что математическое чудо звали Мари-Жозе. Всё это время я наивно полагал, что она тут ни при чём. Мне даже удалось убедить себя, что, может, я решил задачу, сам того не заметив. В истории случались вещи поудивительнее – примеров у меня сейчас нет, но именно так я рассудил на одном из уроков.

Но в тот день, когда учительница раздала нам проверенные работы, сомнения рассеялись, всё стало ясно, потому что оценка Мари-Жозе оказалась ниже моей. А такого не могло случиться, так в природе не бывает, несмотря на все божественные вмешательства. Меня поздравили и чуть ли не церемонию устроили – я был тронут, очень тронут и уже начал всерьез воспринимать эти комплименты, словно действительно их заслужил, несмотря на засевшую где-то глубоко тревогу. Весь класс смотрел на меня, и я был потрясен, потому что никто, похоже, ничего не заподозрил. И даже Хайсам вышел из своего привычного оцепенения, чтобы не пропустить этот важный момент.

На его широком, полном спокойствия и уверенности лице сияла мягкая улыбка. Сердце мое бешено колотилось от волнения. Учительница никак не унималась – сцена походила на награждение орденом Почетного легиона, словно я высадился на какую-то геометрическую луну. Я подумал, что

она немного преувеличивает, но, так как опыта в выслушивании похвал у меня не было, промолчал. Преподаватель даже сравнила меня с Мари-Жозе, когда отдала ей ее контрольную, и тут я в первый раз услышал, как учительница шутит.

– Видишь, у тебя получилось лучше, чем у Мари-Жозе, которая всё-таки допустила огромную ошибку в решении задачи. Поэтому я уверена, что ты не списывал!

Только вот вся эта история завершилась не очень удачно, потому что в конце урока учительница подошла ко мне, прихрамывая, и сказала:

– Теперь никаких поблажек! Ты доказал, что способен решать задачи, если немного позанимаешься. Я ведь могу на тебя рассчитывать, а?

Она смотрела мне прямо в глаза. А потом торжественно добавила, как на всяких старинных церемониях:

– Все рассчитывают на тебя!

Я вышел из класса с чувством, будто судьбы мира зависят от того, что я напишу, и в голове вертелась только одна мысль: я крепко влип. Мне хотелось обсудить ситуацию с Мари-Жозе, но она сбежала, растворилась в воздухе. Уже в коридоре мне показалось, будто я только что вышел с ринга. Я поискал глазами Этьена и Марсея – эти двое были членами рок-группы, которую я когда-то создал, – но они уже пинали мяч во дворе.

Спустившись, я попытался как можно тише прошмыгнуть мимо кабинета Счастливого Люка, но по «счастливой» слу-

чайности всё-таки столкнулся с ним. Он лишь подлил масла в огонь:

– Отличный спринт, мальчик мой, ты вышел в отрыв! Я уже в курсе твоих подвигов. Ты получил свою желтую майку лидера!¹⁹ Даже добавить нечего! Снимаю шляпу! Настоящий мушкетер!

Счастливчик Люк положил руку мне на плечо, будто и вправду мною гордился.

– Надеюсь, ты доволен!

– Да, месье, очень...

– Я знал, что мы можем на тебя рассчитывать, что все наши педагогические усилия не напрасны...

И завуч показал мне большой палец.

Это было уже слишком. Я помчался в туалет, так как эмоции овладели мной, а я не хотел разрыдаться перед всеми – у меня есть гордость. Поскольку я обычно прятал здесь бумагу, у меня всегда было укромное место. Я заперся в кабинке и разрыдался. Мне полегчало, даже стало лучше. И я решил подвести итоги прямо здесь, на унитазе. Я часто мечтал о подобной лавине комплиментов, но примерно так же, как о слишком дорогом подарке на Рождество. Теперь, когда это произошло, у меня всё внутри перевернулось. На этом с эмоциями было покончено. Надо было решать, как жить дальше, потому что теперь на мне лежала огромная ответствен-

¹⁹ Желтую майку лидера получает победитель велогонки «Тур де Франс». Счастливчик Люк любит спортивные сравнения.

ность. До этого я никогда не был хоть в чём-то на высоте и жил себе спокойно, а теперь они ожидали от меня результатов. Я с легкостью мог всех разочаровать, а когда разочаровываешь других, это, скажу вам честно, полная тоска – даже надеяться не на что. Мне очень хотелось всё вернуть, пойти к Счастливику Люку и признаться, что это подстроено, что я сжульничал и не стоит чего-то от меня ожидать. Моя карьера в качестве хорошего ученика началась очень плохо – с напрягов и сожалений. Я спустил воду в унитазе, задаваясь вопросом: почему у меня всё всегда превращается в какой-то цирк?

Во дворе я заметил Этьена и Марселя. Их вдвоем поставили нападающими на правый фланг, потому что оба были левшами. Я называл этих братьев Метро с тех пор, как узнал, что есть станция метро «Этьен Марсель»²⁰. Они просто отвратно играли на басу и барабанах, но я не обратил внимания на их музыкальные способности и взял в группу. Чтобы отметить рождение нашей команды, мы разбили бутылку яблочного сока о старую электрогитару, которую мне купил отец. Он же и подсказал нам экстравагантное словечко для названия группы – «Сверло» – и даже разрешил репетировать в мастерской у нас во дворе. Я понятия не имел, как ему взбрело в голову такое название... «Сверло»... И сперва

²⁰ Станция метро в Париже, названа по расположенной рядом улице Этьен Марсель, которая, в свою очередь, получила название в честь французского средневекового государственного деятеля Этьена Марселя.

подумал, что он на качество нашего звука намекает, ну да ладно... Однажды мы дали учителю музыки диск с нашими лучшими произведениями. Учитель оценил наш порыв, но, по его мнению, у нас возникли неполадки при записи, потому что он услышал только металлический стук и свист.

– Очень странно, – сказал нам учитель, немного смутившись, – кажется, что вы записывались в кузнице... или... на взлетной полосе!

Мы забрали диск и обиделись на учителя, потому что артисты – народ чувствительный.

Уже перед звонком на урок я спросил Этьена и Марселя, что они думают о моем положении. Конечно, я промолчал о том, что Мари-Жозе наверняка замешана во всём этом, поскольку и так чувствовал себя нелепо. Этьен предположил, что я действительно становлюсь «маэстро лазеек», о котором рассказывал уважаемый египтянин, и что мне стоит продолжать жульничать, чтобы остаться на высоте. Я пожал плечами.

– Это невозможно. Я слишком туп, чтобы жульничать эффективно. В прошлом году я попытался, а в итоге меня оставили после уроков и заставили отмывать все туалеты в школе. Нет, спасибо. К тому же меня мучает совесть. У вас такого не бывает?

– Нет.

Марсель посмотрел в небо и предложил мне просто усерднее заниматься и добиться успеха честным путем. Конечно,

подводя итоги в туалете, я уже приходил к такому решению.

– Слишком поздно. Как только я пытаюсь учиться, всё превращается в китайскую грамоту. Например, я уверен, что сегодня вечером уже не буду понимать утренние уроки биологии про гладкие и морщинистые горошины, которые дают... ну, что-то там дают. Вот о чём я – вообще ничего не пойму!

– У всех великих рок-музыкантов была беда с учебой, – заметил Этьен.

Из уважения к сказанному повисла пауза.

– А ты действительно великий музыкант, – добавил он, чтобы просто что-то добавить.

* * *

После уроков я предупредил Хайсама, что не приду смотреть игру в шахматы, потому что меня ждет срочное дело.

– Жаль, – ответил он, – а я хотел показать тебе секреты сицилианской защиты...

Да они как сговорились! Я сделал вид, что не понял, о чём он, и сказал:

– Может быть, завтра.

– Не получится. Завтра суббота.

– И что?

– Шаббат. В этот день мы ничего не делаем.

– Но ты же египтянин, уважаемый египтянин. А твой отец

– турок. Турок из Стамбула.

– Из Галаты²¹, я попрошу. И что с того?

Я не придумал ничего достойного в ответ, да и в целом моя голова была занята другими вещами. Хайсам открыл дверь в комнату консьержа, где его отец плел косички из теста, водрузив на голову феску. Перед тем как закрыть дверь, мой уважаемый египтянин снова заговорил:

– Мне кажется, ты торопишься уйти из школы из-за сегодняшних подвигов.

Казалось, его взгляд-рентген просвечивает меня насквозь. Уверен, он даже скелет мой увидел.

– И что с того? – повторил я его слова, не задумываясь.

Хайсам медленно опустил голову, словно соглашаясь, что я ответил правильно, и у меня по спине побежали мурашки – я почувствовал, будто расту благодаря ему.

Я побежал ко въезду в деревню, чтобы не упустить Мари-Жозе. Я точно не переживу выходные, если не разберусь со всем этим немедленно. Мне захотелось снова зайти в церковь и помолиться о том, чтобы она была одна, но я подумал, что две молитвы за такое короткое время – слишком подозрительно. Там, наверху, наверняка не потекают малейшим прихотям. Так что я просто скрестил пальцы. И появилась она, одна, с копной волос, которые были похожи на пенный шар. Я набросился на нее, как истребитель. Мари-Жозе подпрыгнула.

²¹ Исторический район в европейской части Стамбула.

– Надо же, ты меня напугал. Как дела?

– Никак.

– Интересно, почему? Тебя же сегодня просто захвалили?

– Именно из-за этого.

– Да что с тобой? Расскажи.

Я чувствовал, что закипаю, но всеми силами сдерживался, потому как она могла меня бросить прямо здесь, посреди улицы, и уйти домой. А мне хотелось бы обрисовать ситуацию ясно и четко – эти два качества очень важны в жизни, говорит папа. Я заметил, что она не надела свое огромное кольцо.

– Не делай вид, будто ничего не понимаешь. Ты же знаешь, что я крепко влип.

Она села на скамейку напротив церкви.

– Рассказывай, только быстро. Мне нужно домой.

– Короче, сегодня я получил оценку выше твоей...

– Да, я ошиблась на последнем этапе.

– Ты издеваешься? Да вы все сегодня издеваетесь... Я прекрасно знаю, что ты мне подложила решение задачи, а потом специально ошиблась, чтобы сбить всех со следа...

– И зачем мне так поступать? Но допустим. Почему ты так волнуешься? Ты же получил лучшую оценку в классе!

Я подыскивал слова, чтобы объяснить всё, что накипело в душе. Взгляд мой упал на церковный флюгер, который вертелся во все стороны. Будет буря, подумал я. Вдруг Мари-Жозе встала, а я поплелся за ней по пятам.

– Все теперь думают, что мои оценки будут улучшаться. И только я один, ну то есть вместе с тобой, знаю, что не я их улучшаю, а всё это – лишь надувательство. Даже Счастливичик Люк меня поздравил. И я уверен, что мой отец тоже в курсе.

– И что с того?

– Да то, что я всех разочарую, а это тоска зеленая. Неизбежно. Я никогда не смогу повторить этот подвиг. На следующей же контрольной я рухну на самое дно, и всё станет ясно...

– Если только...

– Никаких «если»... Я тебе сразу говорю: жульничать не стану... Да и кстати, ты же сама...

– Допустим. Но я не предла...

Она замедлила шаг, и я понял, что мы пришли. Но я не собирался отпускать ее вот так. Я встал перед воротами и скрестил руки на груди.

– Давай начистоту: это ты или не ты?

Мари-Жозе спокойно искала ключи в сумке, ее рыжие кудри скрывали лицо.

– Хорошо. Это я.

Странно, но я потерял дар речи. Она посмотрела на меня, улыбнулась и закусила губу – всё это одновременно.

– И зачем ты это сделала? Разве не видишь, что у меня теперь проблемы? Примерно как с голодающими в Африке: устройшь им пир горой, а они тут же коньки отбросят. Со

мною то же самое; надо было начинать с малого.

– Я не подумала. Это вообще на меня непохоже... жульничать, я хочу сказать... хотя и не думать тоже.

Несколько секунд я задавался вопросом, достойное ли это оправдание или нет. Красная армия высадила у меня в голове все свои батальоны.

– Мне нужно домой, я должна позаниматься на виолончели... но, если хочешь, заходи, послушаешь.

Я чуть не сказал, что я тоже музыкант, но сдержался. Мне было очень любопытно познакомиться с ее виолончелью. Но папа бы стал волноваться. А я бы заволновался, потому что он волнуется. Меня вообще очень раздражает, когда мы начинаем волноваться параллельно друг другу. И всё-таки я поплелся за Мари-Жозе. Мы прошли через сад по усыпанной гравием аллее, которая петляла вокруг деревьев всех видов и сортов. В какой-то момент она прошептала:

– Кстати, спасибо, что вернул бумагу в туалет для девочек...

* * *

Весь вечер я размышлял о случившемся. Моя голова стала похожа на тыкву, и папа сказал, что я странно выгляжу. В итоге пришлось улечься в постель с градусником. Когда папа спросил, что же такое со мной приключилось, я просто ответил:

– Я откусил больше, чем могу проглотить.

И так как он ничего не понял, пришлось объяснить:

– У меня лучшая оценка в классе.

Кстати, он уже был в курсе, потому что столкнулся со Счастливым Люком, который тренировался на своем велосипеде, и вместе они пришли к выводу, что для меня еще не всё потеряно.

Казалось, папа удивился, что я так мучаюсь из-за хорошей оценки, но ему предстояло еще кое-что доработать в «панаре», поэтому он оставил меня, заключив, что я вечно недоволен и просто не создан для счастья. В любом случае я не собирался углубляться в детали.

Я вспомнил, как мы провели время с Мари-Жозе. Пришлось целых полтора часа слушать, как она играет на виолончели Вивальди²², Баха²³ и Марена-что-то-там²⁴ – никогда о таком не слышал. В конце концов Мари-Жозе отложила смычок и спросила:

– Ты тоже любишь музыку?

– Да, – сказал я.

– Классическую или барокко?

²² Антонио Лучо Вивальди (1678–1741) – итальянский композитор и скрипач-виртуоз. Его называют одним из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века.

²³ Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) – немецкий композитор, органист и музыкальный педагог. Ярчайший представитель искусства барокко в музыке.

²⁴ Имеется в виду Марен Марен (1656–1728) – французский композитор и исполнитель на виоле да гамба.

– Марокко? При чём тут Марокко?

– Барокко, а не Марокко.

Я покраснел как помидор от собственной глупости.

Уж не знаю, в чём там разница, но барокко мне вообще ни о чём не говорило, я даже задумался, не ловушка ли это. Классическая казалась мне более... классической.

– Классику. Потому что второй вариант, понимаешь...

– Что именно из классики?

Я думал со скоростью сто километров в час. Времени хитрить не было. Вспомнился, уж не знаю почему, мой кролик, который умер в прошлом году, и название его корма – «Моцарт».

– Моцарт. Мой любимый классик – Моцарт.

И, облегченно улыбнувшись, подумал, что поищу информацию о Моцарте позже.

– Какое-то конкретное произведение?

– О... всего понемногу. Я вообще фанат.

Она принялась натирать смычок странной штукой – чем-то вроде воска.

– Что это? – спросил я, стараясь изобразить интерес.

– Канифоль. Чтобы смычок лучше скользил по струнам.

Ее движения походили на долгие поглаживания.

Я встал – в ногах забегали мурашки.

В книжном шкафу в алфавитном порядке стояли разные книги. Я тут же заметил, что почти все они о глазах, что странно. «Анатомия оптического нерва», «Патологии зре-

ния», «Изучение слепоты» и так далее. И еще целая куча других с такими сложными названиями, что их можно было принять за научно-фантастические. Я спросил:

– Забавно, все эти книги – о глазах. Почему ты так этим интересуешься?

– Это для доклада.

– Какого доклада?

– Да знаешь, я предложила учительнице литературы сделать небольшой рассказ о книге, в которой Хелен Келлер описывает свою жизнь.

– А какое отношение она имеет к глазам?

– Ну, Хелен Келлер – американка, которая потеряла зрение в возрасте девятнадцати месяцев. Ей удалось стать очень известной и умной благодаря одной учительнице, которая сделала всё, чтобы спасти девочку... Вот такая история, вкратце, конечно. Хочешь, дам тебе почитать.

– Нет, спасибо, мне пока хватит «Трех мушкетеров». Может быть, позже, когда я дочитаю... лет через десять. Кстати, есть одна вещь, которая меня беспокоит... это правда, что Александр Дюма, короче, любил набивать брюхо и бегать за женщинами?

– Это правда.

Я немного расстроился: хотелось верить, что Хайсам что-то напутал. Но, похоже, уважаемый египтянин не ошибается никогда.

– То есть все эти книги тебе нужны для доклада?

– Мне нравится опираться на множество источников, когда я что-то готовлю.

– Думаю, ничего удивительного, что ты интересуешься глазами и слепыми...

– Почему?

– Потому что из многих слепых получились отличные музыканты. У вас есть что-то общее.

Мари-Жозе пожала плечами, а лицо ее словно закрылось на замок в два оборота – так я понял, что сморозил что-то несусветное. Но, честно говоря, такое частенько в моей жизни случалось.

Дом погрузился в тишину, иногда кое-где скрипела половица.

– Ты одна? Твои родители не придут?

– Придут, но позже. Я часто одна, потому что мои родители – эксперты в произведениях искусства. Они аукционисты, поэтому часто не бывают дома.

– Аукционисты? Что-то с акциями?

– Да нет же. Знаешь, один... два... три... Продано!

Она ударила по столу невидимым молоточком. Я видел такое в фильмах.

Несколько минут мы молчали, поэтому я решил, что необходимо срочно найти тему для разговора. Всё связанное с музыкой пришлось отбросить немедленно, потому что я действительно... был не на высоте. Кстати... надо не забыть поговорить с Метро и попросить их молчать о наших музы-

кальных опытах. Чем больше я думал, чего бы такого сказать, тем меньше было идей. В итоге я решил: уж лучше заявить, будто я должен идти, поскольку атмосфера стала тяжелой. Мари-Жозе убрала виолончель, села на кровать и пристально на меня посмотрела.

– Хочу кое-что тебе предложить...

Я почувствовал, как голова уходит в плечи, – здесь попыхивало какой-то подозрительной сделкой.

– И что же?

– Ну вот. Я поставила тебя в неудобное положение, желая помочь...

– Да, но и я сам здесь замешан; мне слишком сложно отнестись к этому иначе...

– Знаешь, я отличница.

Я пожал плечами.

– Все это знают.

– Мои родители отправили меня как-то на тестирование. Я помню результат. Никогда не забуду слова психолога: «Айкью гораздо выше среднего...»

– Прости, у меня с английским как-то не очень.

– Тест на коэффициент интеллекта, балда. На то, что там у тебя в голове... А мой интеллект гораздо выше среднего, и еще у меня необыкновенная память и хорошо развито абстрактное мышление.

Я сделал вид, что это очень круто, хотя даже понятия не имел, что такое абстрактное мышление и чем оно отличается

от обычного.

– И что? – сказал я. – Мне плевать. Или ты мне собираешься всю свою биографию рассказать?

– Мне тоже плевать, дело не в этом, а вот в чём: если хочешь, я могу с тобой позаниматься.

– Позаниматься?

– Да. Повторить. Объяснить то, что ты не понял. Помочь нагнать остальных.

Я широко открыл рот и, наверное, переливался всеми цветами радуги. В голове всё смешалось в кучу: Решевский, Александр Дюма, Моцарт, Марен-что-то-там, дама с камелиями и д'Артаньян, и даже Счастличик Люк и его «Тур де Франс». Я едва выговорил:

– Мне нужно подумать. Привыкнуть к мысли.

Конечно, репетиторство не сильно вязалось с образом подрывного гитариста-бунтаря.

Я взял куртку, однако, перед тем как уйти, всё-таки как бы бросил ей вызов:

– А если я спрошу тебя, какие технические новшества появились в «панаре» во время гонки Париж – Берлин в 1901 году, ты найдешь ответ?

– Найду.

«Как же, ищи-свищи, красавица, – повторял я себе по дороге домой, предвкушая победу, – ищи себе сколько влезет...»

5

Предмет	Ср. оценка	Замечания
Литература	9	В течение нескольких недель делает успехи. Тем не менее хочется напомнить Виктору, что Гюстав Флобер не работает в «Нувель обсерватёр» ¹ , а Достоевский не писал «Братьев Калашниковых».
Математика	10	Чудо произошло перед осенними каникулами. Однако попрошу Виктора не подписывать контрольные «Альберт Эйнштейн».
История и география ²	8	Виктор учится лучше, но я не знаю, где он видел, чтобы Грецию омывало Эгейское море.
Биология	10	Виктор старается, но я очень прошу, чтобы он забыл о поисках взрывоопасных минералов бордового цвета, которыми по какой-то причине одержим. В этом году моим лягушкам не на что жаловаться. По крайней мере тем, кто избежал геноцида.
Физическая культура	5	Я прекрасно знаю, что ты прячешься за платанами во время марафона. Твою шапочку видно!
Музыка	12	Виктор рисует на партах виолончели, что демонстрирует его новое музыкальное увлечение. Но поет по-прежнему фальшиво.

¹ Французский современный еженедельник. Основан в 1964-м. Название в переводе обозначает «Новый обозреватель». Гюстав Флобер (1821–1880) — французский прозаик-реалист, считаю-

Таким был конец триместра. Папа читал комментарии, а я заглядывал ему через плечо, встав на цыпочки. Мне было очень интересно, что стало с оценками, потому что с тех пор как Мари-Жозе взялась за меня, я, как говорится, настолько залип на учебе, что уже не видел, куда иду и что делаю. Выбрав в качестве примера лучшую ученицу в классе, я теперь старался изо всех сил, чтобы хоть как-то приблизиться к ее уровню. И это мне очень напомнило переезд в новый дом, когда нам с папой пришлось переделывать стены. Я шпаклевал их дни напролет, но поскольку стоял совсем близко к стене, то не видел, что напортачил, и приходилось накладывать новый слой.

Это был мой первый табель успеваемости, которого я не сильно боялся. Я взял в руки калькулятор, чтобы посчитать общую среднюю оценку и хорошенько убедиться в своих успехах. Папа тихо хихикнул.

– Что такое? Тебе смешно?

– Братья Калашниковы... надо же! Тебе не стыдно?

Папа скрутил лист в трубочку и попытался стукнуть меня по голове, но я увернулся.

– Ка-ра-ма-зо-вы! А не Калашниковы!

Он так долго смеялся, что в его глазах заблестели слезы.

– А Флобер пишет для «Нувель обсерватёр»! А почему не ведет новости по телевизору?

– Мне дядя Зак говорил, что он работал в этом журнале²⁵.

От этой новости папа повесил нос. Мне тоже стало грустно, когда я вспомнил о дяде Заке.

Наконец папа подвел итог:

– Знаешь, а всё не так уж и плохо в конечном счете. Тебя даже хвалят.

В общем, я был с ним вполне согласен.

– Ну, кроме физкультуры, – уточнил он.

Должен признаться, что мы с Мари-Жозе пока решили забить на физкультуру – всего не успеешь!

– А спорт всё-таки важен!

Папа исполнил парочку движений, желая показать класс в дриблинге и удерживая невидимый мяч. Приколно получилось.

– Видишь ли, Виктор, я ведь в молодости был чемпионом Парижа по футболу.

– Шутишь!

Он сделал вид, что изо всех сил пинает мяч.

– Конечно шучу! Но всё равно не забывай про спорт.

Повисла пауза. Папа отдал мне табель с оценками и принялся убирать чашки, которые стояли по всей гостиной. Уже направляясь к кухне, он вдруг обернулся и выдал:

– Твоя мама гордилась бы тобой!

И продолжил свой путь. Вскоре послышалось, как он ро-

²⁵ Возможно, дядя Виктора сказал ему, что Флобер работал для журнала «Парижское обозрение», а Виктор, как обычно, всё перепутал.

ется в шкафчиках.

– Папа? – спросил я, пока он был на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.